

Международные отношения

Правильная ссылка на статью:

Хань С., Лю С. — Нововведения «дипломатии великой державы с китайской спецификой» Си Цзиньпина «в новую эпоху» // Международные отношения. – 2023. – № 4. – С. 1 - 14. DOI: 10.7256/2454-0641.2023.4.68785
EDN: SPQBMG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68785

Нововведения «дипломатии великой державы с китайской спецификой» Си Цзиньпина «в новую эпоху»

Хань Сюэмэй

аспирант, кафедра "Теория и история международных отношений", Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, оф. 302

✉ 72malibu@mail.ru

Лю Сюйян

аспирант, кафедра "Теория и история международных отношений", Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, Москва, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, оф. 302

✉ lx516871@mail.ru

[Статья из рубрики "КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА МИРА"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2023.4.68785

EDN:

SPQBMG

Дата направления статьи в редакцию:

19-10-2023

Дата публикации:

26-10-2023

Аннотация: Статья посвящена особенностям китайской дипломатии на современном этапе развития КНР. Цель предлагаемого исследования заключается в определении особенностей «дипломатии великой державы с китайской спецификой в новую эпоху». Задачами данной работы выступает рассмотрение особенностей дипломатии эпохи Си

Цзиньпина, уточнение степени их преемственности относительно к предыдущим дипломатическим стратегиям Китая, а также интерпретация современной дипломатической стратегии «дипломатии великой державы с китайской спецификой» как следствие растущей мощи Китая, бросающего вызов гегемонизму США. Теоретико-методологическая основа исследования опирается на теорию структурного реализма и теорию транзита власти, которые позволяют изучать влияние китайской дипломатии как производную повышения роли Китая в глобальном управлении на процесс структуризации как региональной подсистемы, так и глобальной системы международных отношений. Актуальность данного исследования связана с изменением тактики китайской дипломатии в сторону более акцентированной и более жесткой риторики, подчеркивающей непримиримость с безосновательными нападениями западных стран и манипуляциями с уязвимостью коренных китайских интересов. В исследовании авторы отмечают, что на протяжении всего рассматриваемого периода неизменным принципом китайской дипломатии оставался прагматизм и ориентация на модернизацию и укрепление страны. Си Цзиньпин провозгласил курс на «возрождение китайской нации», что встретило сопротивление стран «Коллективного Запада». Научно значимым вкладом авторов в исследование особенностей дипломатической практики КНР в контексте реализации курса «дипломатии великой державы с китайской спецификой в новую эпоху» заключается в оценке степени соответствия данного курса потребности отстаивать коренные национальные интересы Китая в усложнившейся международной обстановке. В статье подчеркнуто, что «дипломатия великой державы с китайской спецификой» позволяет Китаю демонстрировать поведение великой державы и одновременно изменять соотношение сил в «международной борьбе за общественное мнение».

Ключевые слова:

Китай, дипломатия, Си Цзиньпин, мировое лидерство, дипломатия великой державы, китайская специфика, сообщество единой судьбы, коренные интересы, безопасность, великая держава

После прихода к власти Си Цзиньпина с 2012 г. в Китае значительную роль приобрела дипломатия. Это выразилось в выдвижении ряда инновационных идей, среди которых центральное место занимает концепция построения «Сообщества единой судьбы для человечества», которую Китай понимает как построение нового типа международных отношений, создание сети глобального партнерства, соблюдения в международных отношениях принципов справедливости и учета интересов всех государств. Также, выдвинув инициативу «Один пояс, один путь», Китай выразил готовность возглавить реформу системы глобального управления, установив базовые рамки «дипломатии великой державы с китайской спецификой» с одновременным выдвижением взаимовыгодной теории сотрудничества. Курс председателя Си Цзиньпина привел к повышению активности Китая в деятельности институтов регионального и глобального управления – ООН, БРИКС, «Большой двадцатки», Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и других, которые взяли на себя важные функции по сохранению устойчивого экономического роста, совершенствованию и реформированию современной системы международных отношений, обеспечению международной безопасности и созданию нового мирового порядка. Определяющим моментом дипломатических отношений КНР с ведущими государствами и странами третьего мира стала как экономическая заинтересованность КНР в необходимых ресурсах для его стремительно

развивающейся экономики, так и политическая составляющая, направленная на расширение круга внешнеполитических партнеров и укрепление влияния в мире.

При этом магистральной темой для развития китайской дипломатии на современном этапе выступает воплощение в жизнь «дипломатии великой державы с китайской спецификой», что приведет к изменению существующего инструментария и выработке новых практик. Традиционно дипломатия с китайской спецификой носила исключительно миролюбивый характер, поскольку служила реализации «мирного развития», «гармоничного мира», «Сообщества единой судьбы для человечества» и др. внешнеполитических концепций, направленных на создание благоприятного фона для укрепления структурной мощи Китая.

В российском научном сообществе особенности китайской дипломатии активно изучаются такими китаистами, как А.В. Виноградов ^[1], А.Д. Воскресенский ^[2], Е.Н. Грачиков ^[3], А.В. Ломанов ^[4], А.Ч. Мокрецкий ^[5], В.Я. Портяков ^[6], Е.И. Сафронова ^[7] и др. В российской научной традиции более глубокий акцент сделан на выявлении и изучении основных этапов развития дипломатической практики Китая как в двусторонних, так и в международных форматах. Анализ российского научного дискурса позволяет уточнить влияние изменений современной глобальной архитектуры безопасности и мировой политики на китайскую дипломатию.

В западном научном сообществе все чаще звучит тезис о видоизменении китайской дипломатии и внедрении более жесткой и непримиримой модели дипломатического поведения, которая получила название «дипломатия воинов-волков». Данная точка зрения нашла отражение в работах таких авторов, как П. Мартин ^[8], Ч. Чжу ^[9], З.А. Хуан ^[10], Д. Ченг ^[11], Д. Ву ^[12] и др. В частности, П. Мартин отмечает, что «дипломатия воинов-волков опирается на давние традиции в дипломатии Китая и тесно связана с внутривластными запросами широких масс ^[13]. Стоит подчеркнуть, что в китайском политическом дискурсе данный термин рассматривается как «дискурсивная ловушка» и продолжение «теории китайской угрозы». При этом причины, приведшие к появлению данного термина, называются оправданными повышением давления на коренные интересы Китая.

В связи с наличием предрассудков в западном академическом дискурсе актуальной выглядит цель настоящего исследования, которая заключается в определении особенностей «дипломатии великой державы с китайской спецификой в новую эпоху». Задачами данной работы выступает рассмотрение особенностей дипломатии эпохи Си Цзиньпина, уточнение степени их преемственности относительно к предыдущим дипломатическим стратегиям Китая, а также интерпретация современной дипломатической стратегии «дипломатии великой державы с китайской спецификой» как следствие растущей мощи Китая, бросающего вызов гегемонизму США.

Гипотезой исследования является то, что «дипломатия великой державы с китайской спецификой в новую эпоху» свидетельствует о том, что КНР отказалась от дипломатической стратегии Дэн Сяопина «скрывать свои возможности», «не высовываться», «не претендовать на лидерство». Данный поворот в дипломатической стратегии вызван усложнением стратегической ситуации в мире и повышением угроз китайским коренным интересам.

Теоретико-методологическая основа исследования имеет синтетический характер и опирается на теорию структурного реализма ^[14]. Обращение к данной научной школе

позволяет объяснить логику поведения Китая в условиях структурных ограничений системы международных отношений и проанализировать китайскую многостороннюю дипломатию как несиловой инструмент реализации внешней политики с учетом вызовов и угроз, которые возникают в связи с изменениями системы международных отношений. При характеристике современных изменений, которые происходят в системе международных отношений, автор опирался на интерпретации теории «транзита власти» [\[15\]](#), в соответствии с которой структурные изменения на глобальном уровне заключаются в перераспределении структурной мощи от США к Китаю.

При изучении данной темы автор использовал целый комплекс методов. Так, историко-сравнительный метод позволил выделить общие черты и различия в генезисе китайского подхода к дипломатии в исследуемый период и на основе этого выявить основные тенденции в реализации стратегического курса КНР на современном этапе. Историко-типологический и проблемно-хронологический методы позволили выделить основные периоды дипломатических стратегий КНР на основе выделения ряда характерных признаков и сделать вывод о преемственности и новаторстве дипломатической стратегии эпохи Си Цзиньпина.

Теоретические основы «дипломатии великой державы с китайской спецификой»

Дипломатия КНР разделяется на три периода: с 1949 г. до 1978 г., с 1979 г. до 2011 г. и с 2012 г. до настоящего времени. 3-й пленум ЦК КПК в декабре 1978 г. стал важным историческим рубежом, на котором Дэн Сяопин объявил о начале политики реформ и открытости. Это привело к кардинальным изменениям во внутренней и внешней политике Китая, в том числе в самой парадигме его дипломатии.

С точки зрения президента КАСМО Юань Пэна в 1949 – 1978 гг. основой «дипломатического менталитета» китайского руководства была «философия борьбы». Он указывает, что в течение 100 лет национального унижения, 50 лет революции и 10 лет «культурной революции» международная среда, идеология и национальные чувства определяли борьбу как главную составляющую китайской дипломатии. Дипломатия борьбы продолжала существовать даже после холодной войны. Юань Пэн называет дипломатию Дэн Сяопина «дипломатией самоограничения» и «скромных действий» [\[16\]](#).

На рубеже данных периодов начала возникать концепция «дипломатии великой державы с китайской спецификой». Она была тесно связана с развитием теоретической школы международных отношений, которая начала складываться после провозглашения политики «реформ и открытия». Первый этап (1978-1990 гг.) формирования теоретической школы международных отношений в Китае был отмечен влиянием марксизма-ленинизма и развитием теории «трех миров» Мао Цзэдуна. В этот период китайские ученые стремились разработать собственные концепции и теоретические основы, отражающие специфику китайской дипломатии

Под влиянием марксизма-ленинизма, они исследовали социально-политическую структуру Китая и применяли эту теорию к анализу международных отношений. Также значительное влияние на формирование теоретической школы оказала теория "трех миров", которая предлагала альтернативный взгляд на глобальное разделение сил и союзы в международной арене [\[17\]](#).

Однако к концу этого периода стали проявляться изменения в подходах и включение западных научных школ в китайскую теорию международных отношений. Западные концепции стали проникать в китайский дискурс в рамках модернизации и адаптации к

глобальной среде.

Таким образом, первый этап формирования теоретической школы международных отношений в Китае характеризовался попыткой синтезировать марксистские и китайские концепции с западными научными школами. Это время было важным этапом для китайской дипломатии, поскольку она стремилась разработать собственную теоретическую базу, отражающую ее особенности и национальные интересы.

Современная модель дипломатии органически сочетается с курсом развития китайской внешней политики, принятым на XII съезде КПК в 1982 г., где было принято решение о проведении «независимой и самостоятельной внешней политики». В конце 1980-х - начале 1990-х гг. курс на «общее развитие» и «совместный мир» стал дорожной картой дипломатии Пекина. В 1999 г. была провозглашена стратегия глобального масштаба, которая реализуется до сегодняшнего дня. Она получила название стратегии «выхода за рубеж» («цзоу чуцью чжаньлюе» 走出去战略) [18]. Она натолкнулась на серьезное противодействие от крупных держав, потому что Китай мягко вошел в уже поделенное геополитическое пространство [19]. Соответственно, привлечение дипломатического инструментария к продвижению и защите китайских национальных интересов (中国国家利益) за рубежом рассматривалось как насущная необходимость.

В XXI в. необходимость стратегического дипломатического подхода на современном этапе отражает единство стоящих перед страной внутренних и внешних вызовов. Китай неуклонно продолжает реализацию политики глобального добрососедства, в соответствии с которой Китай демонстрирует безоговорочную и деятельную поддержку международной обстановки мира в регионе и выступает против агрессии и внешней экспансии. Данный масштаб позволяет говорить, что статус дипломатии в процессе реализации стратегического курса КНР значительно возрос, а китайская дипломатическая теория становится глобальной [20].

Особенности китайской дипломатии эпохи Си Цзиньпина

С приходом к власти Си Цзиньпина произошел всплеск дипломатической активности Пекина, который ознаменовался привнесением в китайскую внешнюю политику идеологии «новой эпохи» и четырех новых идей: «новый тип отношений великих держав», «дипломатия великой державы с китайской спецификой», «сообщество единой судьбы человечества» и «новый тип международных отношений». Наметился более творческий подход (или как говорят в китайском научном сообществе – «творческое наступление»), проявившийся в новых инициативах по всему миру.

По мнению ученого-китаиста из ИДВ РАН А.Ч. Мокрецкого с 2012 г. «дипломатия великой державы» включает в себя ряд направлений. Среди них ценным является установление нового типа отношений между крупными державами; создание мирной и стабильной обстановки с соседними странами; установление отношений с развивающимися странами на основе концепции справедливости и интересов; продолжение проведения политики реформ и открытости, а также защита китайских граждан и их юридических прав за рубежом и использование «мягкой силы» в отношениях с другими участниками международной политики [21].

Кроме того, с приходом к власти нового поколения руководителей активизировалась дипломатическая деятельность высокопоставленных китайских чиновников. Новаторство китайской дипломатии также влияет на концептуальные рамки внешней политики Китая. В частности, горячо обсуждалась судьба последних слов Дэн Сяопина: Китай больше не

был готов «холодно наблюдать» и «молчать», а стал действовать более активно [\[22\]](#).

По мнению профессора Центральной партийной школы КПК Чжао Лей, в последние два десятилетия Китай демонстрирует соответствие этому требованию, он разрабатывает передовые технологии и оборудование в мировом масштабе, быстро технологически перевооружается, вносит большой вклад в мировой научный прогресс. Кроме того, непрерывно расширяются гуманитарное сотрудничество и культурные обмены между Китаем и другими странами.

Современный период китайской дипломатии (2012 г. – н.в.) характеризуется отказом от выдвинутой Дэн Сяопином стратегии «вести себя скромно» (韬光养晦) и постепенном введении в практику стратегии «стремиться к достижениям» (有所作为), под которым понимается переход от сугубо экономической прагматики к получению политических дивидендов в виде поддержки своих коренных национальных интересов и продвижение своего видения о будущей модели глобального мироустройства.

Реализация «дипломатии великой державы с китайской спецификой» была охарактеризована как отличительная черта национального развития. Об этой стратегии председатель КНР Си Цзиньпин еще раз напомнил на XX съезде Коммунистической партии Китая. Ключевыми составляющими этой модели остаются следующие аспекты: Китай – сильная страна; лидерство, системная роль Коммунистической партии Китая; преемственность руководства по мере смены стратегии развития на протяжении поколений.

Значимым элементом в новой дипломатической стратегии Китая выступает Россия как единственный глобальный стратегический партнер. Двусторонние отношения двух стран являются истинным примером создания нового типа международных отношений, перерастающего из двусторонних рамок Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве до рамок глобальных. Это было подчеркнуто в Совместном заявлении РФ и КНР о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии 4 февраля 2022 г., а также подтверждено Си Цзиньпином и В.В. Путиным во время их встречи в Москве 20-22 марта 2023 года. Стратегическое партнерство Китая и России на международном уровне способствует формированию многополярного мироустройства, содействует борьбе с глобальными вызовами и угрозами, определяет направления мирового развития.

Таким образом, стоит отметить тесную взаимосвязь развития стратегического курса дипломатии КНР с общим процессом интеграции Китая в международную систему. Под руководством Си Цзиньпина, китайская дипломатия претерпела значительные изменения, но пока еще нет единого мнения о природе и масштабах этих изменений. Однако интересным представляется изучение соотношения между изменениями и преемственностью во внешней политике Китая, которая представляет собой явное отступление от стратегии Дэн Сяопина. Это проявляется в изменении образа действия Китая на международной арене. Теперь КНР участвует не только в аккомодации и приспособлении к институциональной среде, но и активном ее формировании.

Вызовы и угрозы формирующегося мирового порядка для Китая

Дипломатия является одним из инструментов внешней политики государства, а ее реализация тесно связана с обеспечением национальной безопасности. В связи с этим формы дипломатической активности претерпевают изменения сообразные модификации внешнеполитической обстановки и ситуации в области безопасности. Современная ситуация в области безопасности характеризуется транзитом власти от США к КНР. В

Стратегии национальной безопасности США от 2022 г. Китай был обозначен в качестве «стратегического конкурента», который проводит «ревизионистскую внешнюю политику».

Рост экономики КНР как результат рыночных реформ и интеграции в мировую экономику все более заставляет китайских авторов, наряду с антизападной риторикой и стремлением найти «свой путь» и свою «Китайскую теорию международных отношений», все более прислушиваться к международному опыту и оценкам зарубежных аналитиков. Усложнение международной ситуации предопределило формирование в КНР в конце 1990-х гг. новой концепции государственной безопасности, включающей в себя, помимо классических компонентов, таких как защита суверенитета, территориальной целостности и военные угрозы, а также такие явления, как терроризм, контрабанда оружия, торговля наркотиками, торговля людьми, пандемия, экологические преступления, нелегальная иммиграция, пиратство, кибер- и информационные угрозы и т.д. Данная концепция, изложенная в «Белой книге по национальной обороне», предусматривает «трехуровневую стратегию», включающую цели обеспечения мирного окружения, воссоединения страны, противодействия гегемонизму, задачи модернизации экономики и обороны, военно-политического обеспечения предотвращения локальной войны и возможности одержать победу «в конфликтах низкой интенсивности».

Ключевые элементы концепции национальной безопасности с ее обогащающимся понятийным аппаратом представлены в издаваемой ежегодно с 1998 г. «Белой книге по национальной обороне», в которой наряду с классическими задачами модернизации вооруженных сил для сопротивления внешнему агрессору, защиты государственного суверенитета и территориальной целостности, а также «завоеваний социалистического строя», все чаще упоминаются новые вызовы безопасности и констатируется, что финансовые, энергетические, экологические, религиозные, культурные и информационные факторы становятся важными переменными безопасности». Более глубокую информацию о концепции национальной безопасности КНР и ее эволюции, с учетом рефлексивной сути внешней политики и декларативного характера заявлений Пекина, получить довольно сложно: оценка международной ситуации в области безопасности не претерпела значительных изменений вплоть до крайней редакции Белой книги от 2019 года.

15 апреля 2014 г. на заседании Комитета национальной безопасности КНР Си Цзиньпин впервые официально изложил основы «всеобъемлющей концепции национальной безопасности». Отметив, что в настоящее время внутреннее содержание и объем понятия государственной безопасности становятся намного богаче, пространственные и временные аспекты – шире, чем когда-либо в прошлом, а внешние и внутренние факторы – сложнее, чем в предыдущие исторические периоды», Си Цзиньпин перечислил основные составляющие данной концепции – так называемые «одиннадцать видов безопасности»: 1) политическую безопасность; 2) территориальную безопасность; 3) военную безопасность; 4) экономическую безопасность; 5) безопасность в сфере культуры; 6) общественную безопасность; 7) научно-техническую безопасность; 8) информационную безопасность; 9) экологическую безопасность; 10) безопасность природных ресурсов; 11) ядерную безопасность.

Выступая на юбилейной сессии ГА ООН в сентябре 2015 г. Си Цзиньпин, сформулировав главные направления работы по построению «сообщества единой судьбы», выделил задачу «создания модели безопасности, основанной на принципах справедливости, совместного строительства и совместного использования, взаимодововерия сотрудничества, защиты мира во всем мире и в регионе». Пропаганда данного

масштабного внешнеполитического проекта стала главной задачей китайской дипломатии в рамках не только двусторонних, но и огромного количества межпартийных, общественных, региональных, культурно-цивилизационных форумов. Среди этих форумов особенно выделяются саммит «Группы двадцати» 2016 г. в Ханчжоу, триумфальная речь Си Цзиньпина в Давосе в январе 2017 г., где он выступил в качестве фактически единственного защитника глобализации от проявлений протекционизма, саммит БРИКС в Сямэне в 2018 г. и форумы международного сотрудничества «Один пояс, один путь» 2017 и 2019 гг., Сяншаньский форум по проблемам региональной безопасности (китайская альтернатива сингапурского Shangri La Dialogue) и пр. Прозвучавшие на этих форумах идеи «совместного выигрыша», «китайского плана для всего мира», «китайской мечты как счастья для народов всех стран» свидетельствуют о том, что сегодня Китай активно пропагандирует собственное видение его места в архитектонике международных отношений и все чаще берет на себя инициативу продвижения «справедливой и рациональной» глобальной политической и экономической повестки, предлагая свои варианты решений в сфере глобального управления [\[23\]](#). При этом Пекин ни в коем случае не позиционирует себя как «революционера и разрушителя», настаивая лишь на уникальности «китайского пути» модернизации и неприемлемости для Китая копирования всех элементов и ценностей англо-саксонской модели демократии.

Материальным воплощением глобальных претензий Китая на формирование мировой повестки стала выдвинутая осенью 2013 г. инициатива «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской шелковый путь XXI века» («Один пояс, один путь» – ОПОП). Наряду с созданием Нового банка БРИКС, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шелкового пути, ОПОП по своим базовым характеристикам – географии, целям и задачам, принципам, направлениям и механизмам реализации – является наполнением «мечты о великом возрождении китайской нации». Как справедливо подчеркивают авторитетный российский китаист Е.Н. Грачиков и ведущий научный сотрудник Китайской академии общественных наук Сюй Хайянь, новые «инновационные» международные организации КНР могут рассматриваться как «стремление Пекина форматировать новую незападную систему международных отношений» [\[24\]](#).

Расширение внешнеполитической активности КНР привело к ответной реакции со стороны США, которые поддерживают военные форматы в регионе Восточной Азии с целью сдерживания Китая. В 2017 г. Токио с одобрения Вашингтона инициировал возрождение Четырехстороннего оборонного формата (QUAD), который состоит из США, Японии, Австралии и Индии. Это положило начало более регулярным контактам военных на различных уровнях. На данный момент значение Формата заключается в поддержании регулярной политической координации (два раза в год), а также в расширении проблемного поля организации. Симптоматично, что с точки зрения Вашингтона значение QUAD не сводится исключительно к координации в четырехстороннем формате. Скорее он предстаёт рамочной концепцией, а сотрудничество с Японией, Австралией и Индией выстраивается в рамках сложной сети двусторонних и трехсторонних диалогов. В 2021 г. был создан AUKUS, который представляет собой проект по расширению оборонно-промышленного сотрудничества между США, Великобританией и Австралией, предусматривающий передачу последней атомных подводных лодок, а также необходимых технологий по их производству. Данный проект представляет собой проявление военно-политической тактики США «лидерство из тыла» (leading from behind), в основе которой лежит цель сохранить лидерство с большей опорой на региональные силы [\[25\]](#). Таким образом, повышая наступательные возможности своего союзника, США намереваются ограничить военную и экономическую

деятельность КНР в Восточной Азии. В коммюнике лидеров трех стран также бегло подчеркивается, что сотрудничество может также охватывать, среди прочего, «кибернетические возможности, искусственный интеллект, квантовые технологии и дополнительные подводные возможности». Несмотря на военно-технический характер проекта AUKUS не исключается возможность перерастания его в военно-политический инструмент.

Также существенную угрозу национальной безопасности для Китая представляет «украинизация» тайваньской проблемы. Подобие кризиса, который произошел в Украине, вызывает опасения Китая относительно возможного стимулирования вооруженного проявления сепаратистских настроений населения Тайваня с последующим отделением от материкового Китая. Китай рассматривает Тайвань как неделимую часть своей территории и не признает его независимость. Потенциальный внутренний конфликт или политический раздел на Тайване может послужить толчком для вмешательства внешних сил и создания прецедента, который подорвет территориальную целостность Китая.

Таким образом, стратегическая задача, которая стоит перед китайским руководством как во внутривнутриполитическом, так и во внешнеполитическом поле, требует эффективной борьбы с возникающими угрозами. Однако стабильности мирополитической среды угрожает транзит власти от США к КНР, что угрожает изменением баланса сил в стратегически значимом для Китая регионе. Провозглашение Д. Трампом стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» с 2017 г., базирующейся на четырехстороннем Оборонном формате QUAD, в который входят США, Индия, Япония и Австралия, и создание блока AUKUS (США, Великобритания, Австралия) с перспективой усиления ядерными технологиями недружественных стран по периметру границ КНР вызывает в Китае особую озабоченность. Неоднозначной продолжает оставаться ситуация и в вопросах Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Наконец, начиная с администрации Д. Трампа, США взяли более жесткий курс в отношении торгово-экономической политики Китая, по вопросам прав человека, территориальных претензий и свободы судоходства, назвав Китай главным стратегическим соперником, более опасным, чем даже Россия и Иран. На новый виток конфронтации отношения Китая и США вышли после вспышки COVID-19, что привело к модификации в дипломатической риторике Китая.

Изменение стиля «дипломатии великой державы с китайской спецификой»

Существенное усложнение внешнеполитической среды не могло не отразиться на дипломатии как значимом инструменте реализации внешней политики страны. Негласное начало изменения стиля «дипломатии великой державы с китайской спецификой» было положено после высказывания официального представителя МИД Китая Чжао Лицзяня в социальной сети Твиттер в марте 2020 года. Отвечая на характеристику, данную президентом США Д. Трампом, о том, что COVID-19 – это «китайский коронавирус» и «уханьский грипп», Чжао Лицзянь призвал предоставить доказательства и высказал предположение, что армия США занесла вирус в Китай.

Однако устойчивые черты новая модель китайской дипломатии приобрела после перевода дипломата МИД КНР Чжао Лицзяня с должности советника-посланника посольства Китая в Исламабаде на пост заместителя директора Департамента информации МИД КНР. Именно позиция Чжао Лицзяня вызвала серьезную глобальную реакцию, поскольку средства массовой информации по всему миру обсуждали это.

Вслед за высказыванием Чжао Лицзяня в социальной сети Твиттер представители Китая во Франции, Швеции и Венесуэле опубликовали заявления, которые также содержали более твердую риторику. В феврале 2021 г. высокопоставленный дипломат Ян Цзечи продемонстрировал бескомпромиссный подход Китая, изложив список изменений в политике, которые он потребовал учесть администрации Дж. Байдена для улучшения американо-китайских отношений. В своей речи Ян Цзечи определил возможность «конструктивных отношений» между Соединенными Штатами и Китаем в том случае, если первые откажутся от конкуренции с Китаем; прекратят усилия по дестабилизации экономической и технологической деятельности китайских компаний на американском рынке, а также будут уважать позицию китайского правительства по отношению к Тайваню, Гонконгу, Тибете и Синьцзяне. В интервью, опубликованном в июне 2021 г., посол Китая во Франции Лу Шей, затронув тему дипломатии Китая, отметил, что «теперь мы все делаем по-другому» и «к этому надо начать привыкать». «Фундаментальные причины изменений в дипломатическом стиле Китая» посол объясняет «изменением международной обстановки и переменами во власти Китая».

Западные СМИ предложили термин «дипломатия воинов-волков» в ответ на изменение стиля дипломатической активности Пекина во время пандемии COVID-19, однако, данное определение встретило жесткий отпор со стороны китайских официальных лиц. Позиция Китая такова, что термин «дипломатия воинов-волков» выступает новым витком «теории китайской угрозы» и дискурсивной ловушкой, созданной специально для Китая.

Ученые, проанализировавшие практику дипломатии Китая во время кризиса COVID-19, сочли изменение стиля китайской дипломатии признаком того, что администрация Си Цзиньпина отказалась от внешнеполитического акцента Дэн Сяопина на сдержанности и терпении [26], но официальные лица Пекина утверждали, что «дипломатия великой державы с китайской спецификой» соответствует другому аспекту дипломатической доктрины Дэна: «Мы никогда не будем стремиться к гегемонии над ними или служить их лидером. Тем не менее, [...] мы должны внести свой вклад» [27]. Другими словами, за выдержкой, терпением и подчеркнута гуманной риторикой китайского руководства со времен Дэн Сяопина скрывалась другая цель: «способствовать установлению нового международного политического и экономического порядка». Таким образом, «дипломатии великой державы с китайской спецификой» под руководством Си Цзиньпина является наследием и развитием дипломатических практик Китая, направленных на «разрыв с основными моделями международного дискурса, где Запад силен, а мы [Китай] слабы». Их неизменной чертой остаются прагматизм и ориентация на решение общенациональных задач, которые на настоящем этапе объединяются под эгидой общенациональной миссии на «великое возрождение китайской нации». Например, Хуа Чуньин, пресс-секретарь МИД Китая, связала «дипломатию великой державы с китайской спецификой» с поддержанием справедливости, подчеркнув, что «преклонение колен для народа» не является «традицией».

Также стоит отметить, что в дополнение к подчеркиванию «духа борьбы» в области дипломатии, Си Цзиньпин, выступая в Политбюро, стимулировал активизацию публичной дипломатии посредством двух призывов: «эффективно осуществлять международное руководство общественным мнением», а также «уделять больше внимания стратегии и методам борьбы с общественным мнением». Эта концепция унаследовала мысли Мао Цзэдуна о «затяжной войне» [28]. Рассматривая войну не только как вооруженное противостояние, Мао считал, что для победы субъектам необходимо мобилизовать массовую общественность посредством ряда стратегических коммуникационных мероприятий. Цель состоит в том, чтобы придерживаться ценностей целевой аудитории,

ориентировать и координировать общественное мнение, чтобы «объединиться со всеми силами, которые могут быть привлечены». Таким образом, стратегия затяжной войны подчеркивает две основные тактики: «наступление через оборону и выход на внешние линии изнутри» [29].

Комментируя выступление председателя КНР в Политбюро, директор Института китаеведения Университета Фудань Чжан Вэйвэй, отметил, что отныне любая негативная международная реакция на изложение позиции Китая – это «в основном проблема со стороны Запада», а не вина китайских дипломатов.

Заключение

Подводя итог всему вышеизложенному, стоит отметить, что китайская дипломатия в «эпоху Си Цзиньпина» обогащается как в теоретическом, так и в практическом планах. Лейтмотивом всех нововведений дипломатических стратегий Китая выступает устремление к более активному и глубокому участию в реформировании системы глобального управления, выдвижение новых концепций, инициатив и проектов, которые отражают китайское видение системы международных отношений. При этом Си Цзиньпин возвращается к традиционному пониманию концепции «дипломатии великой державы с китайской спецификой», в китайском стиле и манере. В основе китайской дипломатии по-прежнему лежит принцип поддержки социального строя и пути развития страны, принцип поддержки независимой мирной внешней политики, «пять принципов мирного сосуществования» и невмешательство во внутреннюю политику других стран. Таким образом, при изменении тактики, которая стала более наступательной и проактивной, стратегия осталась неизменной.

В целом, стратегический курс китайской дипломатии на данном этапе ее развития заключается во всестороннем продвижении «дипломатии великой державы с китайской спецификой». По задумке генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, озвученной им на XX Всекитайском съезде, «дипломатия великой державы с китайской спецификой» должна способствовать построению нового типа международных отношений, основанных на взаимном уважении, честности, справедливости, а также созданию «Сообщества единой судьбы для человечества». Это емко отражает общую цель китайской дипломатии «в новую эпоху», а также показывает международным партнерам Китая общее направление, в котором они надеются работать совместно.

По причине обострения системной нестабильности китайская дипломатия приобрела более акцентированную и более твердую риторику, которая подчеркивает непримиримость с безосновательными нападениями западных стран и манипуляциями с уязвимостью коренных китайских интересов. Стоит подчеркнуть, что остается открытым вопрос о том, является ли новый стиль «дипломатии великой державы с китайской спецификой» кульминацией переходного периода китайской дипломатии или ситуативной формой отстаивания интересов. Поскольку Китай сталкивается с растущей внешней критикой по все более широкому спектру вопросов, вполне возможно, что китайское руководство будет использовать данную модель лишь по наиболее принципиальным аспектам национальной безопасности как инструмент стратегической коммуникации с целью изменения соотношения сил в так называемой «международной борьбе за общественное мнение».

Библиография

1. Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок //

- Мировая экономика и международные отношения, 2021. Т. 65. №. 3. С. 23-32.
2. Воскресенский А.Д. Логика новой мироустроительной архитектоники: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места // Сравнительная политика, 2020. Т. 11. №. 4. С. 5-26.
 3. Грачиков Е.Н. Дипломатия КНР: контекст академического дискурса // Мировая экономика и международные отношения, 2021. Т. 65. № 3. С. 33-41.
 4. Ломанов А.В. Международные исследования в институтах Китайской академии общественных наук // Проблемы Дальнего Востока, 2019. № 5 (1). С. 161-172.
 5. Мокрецкий А.Ч. Китайская внешняя политика и дипломатия в 2020 г.: в поисках ответов на старые угрозы и новые вызовы // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее 2021, 2022. С. 11-23.
 6. Портяков В.Я. Основные моменты внешнеполитического курса Китайской Народной Республики в 2020 году // Проблемы Дальнего Востока, 2021. №. 2. С. 8-20.
 7. Сафронова Е.И. Китайская экономическая дипломатия до и во время пандемии COVID-19. Вестник Московского Университета. Серия XXV // Международные отношения и мировая политика, 2021. Vol. 13. №3. С. 151-189.
 8. Martin, P. China's Civilian Army; The Making of Wolf Warrior Diplomacy. L.: Oxford University Press, 2021.
 9. Zhu Z. Interpreting China's 'wolf-warrior diplomacy' // The Diplomat, 2020. Vol. 15. P. 648-658.
 10. Huang Z.A. "Wolf Warrior" and China's digital public diplomacy during the COVID-19 crisis // Place Branding and Public Diplomacy, 2022. Vol. 18. №. 1. P. 37-40.
 11. Cheng D. Challenging China's "Wolf Warrior" Diplomats // Heritage Foundation Backgrounder, 2020. № 3504. P. 1-10.
 12. Wu D. China's "Wolf Warrior" Diplomacy: How Chinese Nationalism Is Changing // Tamkang Journal of International Affairs, 2021. Vol. 25. №. 1. P. 253-286.
 13. Martin, P. China's Civilian Army; The Making of Wolf Warrior Diplomacy. L.: Oxford University Press, 2021.
 14. Waltz K. Theory of international politics. Addison-Wesley Publishing, 1979.
 15. Organski A.F.K. World politics. New York: A. Knopf, 1958.
 16. Грачиков Е.Н. Дипломатия КНР: контекст академического дискурса // Мировая экономика и международные отношения, 2021. Т. 65, № 3. С. 35-36.
 17. 张海英: "中国模式"与中国和平崛起 [Чжан Хайин. «Китайская модель» и мирное возвышение Китая] //青岛科技大学学报:社会科学版 [Журнал Циндаоского университета науки и техники: Издание по общественным наукам], 2017. №3. С. 110-113.
 18. 陶坚: 中国"走出去"战略十年回顾 [Тао Цзянь. 10-летний обзор стратегии Китая «Выход на глобальный уровень»] // 现代国际关系 [Современные международные отношения], 2011. № 8. С. 51-62.
 19. Цыганков П.А., Грачиков Е.Н. Проблема мирового порядка в китайской и российской политической науке: общее и особенное // Политическая наука, 2015. № 3. С 22-39.
 20. 苏长和. 战后国际体系的未来发展与中国外交理论. [Су Чанхэ. «Будущее развитие послевоенной международной системы и дипломатическая теория Китая» // 国际展望 [Международная перспектива], 2015. № 3. С. 8-13.
 21. Мокрецкий А.Ч. Основные направления китайской дипломатии // Проблемы Дальнего Востока, 2015. № 1. С. 44-59.
 22. Мокрецкий А.Ч. Китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина // Международная

идея, 2019. № 3. С. 70–82.

23. Корсун В.А. Китай в мировой политике // Страны и регионы в мировой политике / Под ред. В.О. Печатнова, Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2019. Т. 2. С. 286–311.
24. Грачиков Е.Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // Вестник международных организаций, 2022. Т. 17. № 1. С. 7–24.
25. Худайкулова А.В., Рамич М.С. "Квад 2.0": четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования, 2020. No 3. С. 23–43.
26. Julienne, M., Hanck, S. Diplomatie chinoise : de l'« esprit combattant » au « loup guerrier » // Politique Étrangère Printemps, 2021. № 1. P. 103–118.
27. Deng Xiaoping. Selected Works of Deng Xiaoping. 1982–1992. Vol. III. Beijing: Foreign Languages Press, 1994.
28. Huang, Z.A., Rui Wang. Exploring China's digitalization of public diplomacy on Weibo and Twitter: A case study of the U.S.–China trade war // International Journal of Communication, 2021. № 15. Pp. 1912–1939.
29. Mao Tse-Tung. Selected works of Mao Tse-Tung. Vol. 2. Beijing: Foreign Language Press, 1967.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

События последних лет - арабская весна, сирийский и украинский кризисы, обострения обстановки в Палестине - заставляют обратиться к изучению перемен в системе международных отношений, в которых сегодня на смену однополярному миру во главе с США придёт мир многополярный, в рамках которого наряду с уставшим североамериканским колоссом ведущие позиции будет занимать целый ряд акторов, среди которых Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран. Особое значение в этой следует уделить дипломатии Китайской народной республики, чей удельный вес неуклонно повышается, а экономика уже во многом превышает экономику США.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является китайская дипломатия в эпоху Си Цзиньпина. Автор ставит своими задачами рассмотреть особенности дипломатии эпохи Си Цзиньпина, уточнить степени их преемственности относительно к предыдущим дипломатическим стратегиям Китая, а также интерпретировать современные дипломатические стратегии «дипломатии великой державы с китайской спецификой» «как следствие растущей мощи Китая, бросающего вызов гегемонизму США».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать особенности китайской дипломатии на современном этапе.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 30 источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на китайском и

английском языках, что определяется самой постановкой темы. Источниковая база статьи представлена прежде всего работам китайских специалистов, фактически неизвестных российской аудитории, и уже поэтому представляющих значительный интерес. Из используемых исследований укажем на труды А.В. Ломанова, Е.Н. Грачикова, Е.И. Сафроновой, в центре внимания которых различные аспекты изучения китайской дипломатии последнего десятилетия. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей дипломатии, в целом, так и современной дипломатией КНР, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «современная модель дипломатии органически сочетается с курсом развития китайской внешней политики, принятым на XII съезде КПК в 1982 г., где было принято решение о проведении «независимой и самостоятельной внешней политики». Автор обращает внимание на то, что в основе «китайской дипломатии по-прежнему лежит принцип поддержки социального строя и пути развития страны, принцип поддержки независимой мирной внешней политики, «пять принципов мирного сосуществования» и невмешательство во внутреннюю политику других стран». В работе показано, что «причине обострения системной нестабильности китайская дипломатия приобрела более акцентированную и более твердую риторику, которая подчеркивает непримиримость с безосновательными нападениями западных стран и манипуляциями с уязвимостью коренных китайских интересов».

Главным выводом статьи является то, что «лейтмотивом всех нововведений дипломатических стратегий Китая выступает устремление к более активному и глубокому участию в реформировании системы глобального управления, выдвижение новых концепций, инициатив и проектов, которые отражают китайское видение системы международных отношений».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках формирования дипломатических стратегий России.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Международные отношения».